

ДВА ПИСЬМА,

О приведеніи въ порядокъ Республики,
писанныя къ К. Цесарю К. К. Саллю-
стіемъ (*).

ПИСЬМО Іе (обыкновенно пос-
лѣднимъ называемое).

І. Извѣстно мнѣ, сколь трудно и самымъ дѣломъ опасно давать совѣтъ Царю или Императору, да даже и всякому смертному, достигшему великаго могущества: хотябы и совѣтующіе имѣли шакъ же нѣкоторую силу; никто въ разсужденіи будущаго не можетъ быть ни довольно предусмотрителенъ, ни довольно благоразуменъ, и часто злые совѣты болѣе успѣваютъ, нежели добрые; поелику

(*) Сія два письма, (а не рѣчи, какъ ихъ просто называли), по извѣстнымъ признакамъ, должны быть въ такомъ порядкѣ, какъ здѣсь напечатаны; ибо въ томъ, которое обыкновенно называется первымъ, Сочинитель говоритъ о Домиціи и Бибулѣ, какъ бы они находились еще въ живыхъ, а смерть ихъ послѣдовала около Фарсальской битвы; другое же писано къ Цесарю кажется уже по окончаніи войны Македонской противъ Помпея и когда онъ поспѣшалъ въ Испанію, или же находился еще въ Азіи. Оба сіи письма, (взятыя съ прочими сочиненіями Саллюстія изъ рукописи Ватикан-

Форшуна управляетъ многими дѣлами по своей волѣ. Съ самаго юношества родилась во мнѣ охота править Республикою: почему для познанія оныя долго и великое прилагалъ я стараніе: и сіе не для того, что бы только властѣ восхищитъ, кою которой многіе злоумышленными происками доспигли: но паче для того, дабы снискавъ познаніе о гражданскомъ и военномъ устройствѣ Республики и сколь сильна она оружіемъ, людьми, богатствомъ. Такимъ образомъ я по долгомъ съ самимъ собою размышленіи вознамѣрился извѣстность мою и скромность подчинитъ швоему достоинству, и испытавъ все, лишь бы только возрасла опъ того швоя слава; и сіе предпринялъ я не безразсудно или взирая на швое щастіе: но поелику открылъ въ шебѣ единственное и удивительное свойство болѣе въ злополучныхъ, нежели въ щастливыхъ произше-

---

ской Помпоніемъ Летою въ первой разѣ въ 1490 году изданной), естли не Саллюстіевы, то весьма достойны пера его и писаны мужемъ остроумнѣйшимъ; первое (такъ начинающееся *извѣстно мнѣ* и проч.) красивѣе, яснѣе и заключаетъ въ себѣ невѣроятное въ управленіи дѣлъ внутреннихъ познаніе и благоразуміе гражданское, другоеже не столько красотою обильное, но съ большею откровенностію и имѣетъ слогъ подлинно Саллюстіанской. Что никто, сколько извѣстно, изъ древнихъ Грамматики не упоминаетъ о томъ, что письма сіи писаны Саллюстіемъ; сіе только доказываетъ неизвѣстность ихъ въ тогдашнее время; поелику и слогъ и самыя свойства Саллюстіева остроумія, примѣчаемыя въ нихъ, могутъ оправдать наше мнѣніе.

спвіяхъ, имѣшь духъ возвышенный. Довольно другіе уже возвеличили то, что смерпные превознося и удивляясь твоей щедрости, болѣе упомялись, нежели ты содѣлывая то, что славы достойно.

II. Я почиаю за непреложное, что нѣтъ ничего споль опдаленнаго чего бы ты вдругъ не обнималъ мыслию. И здѣсь не видѣнное побою я излагаю о Республикѣ, поелику тогда намѣреніе мое и дарованіе болѣе бы оправданы были; но я вознамѣрился говорить тебѣ среди военныхъ занятій, среди битвъ, побѣдъ, верховной власти — объ управленіи дѣлъ гражданскихъ. Ибо если ты шѣмъ только преднамѣреніе свое ограничиваешь, что бы опъ нападенія непріятелей усранишь, или какимъ образомъ какому сопернику пропивупоставишь благосклонность народа: не достойное доблести твоей мыслишь. Если же въ тебѣ все пошъ же духъ, который съ самага начала заговоръ Дворянства разрушилъ, народъ Римскій изъ пѣзжкаго рабства вывелъ на свободу, въ Препорствѣ враговъ вооруженныхъ разсѣялъ безъ оружія, въ мирѣ и въ войнѣ поликіе и споль знаменитые совершилъ подвиги, что даже враги ни очемъ больше не дерзають говорить, кромѣ твоего великодушія: то удостоишь приняты то, что скажу о верховной власти въ Республикѣ, и что ты безъ сумнѣнія признаешь за истинну, или весьма близко къ ней подходящимъ.

III. Но поелику Кн. Помпей или по слабости духа, или пошому, что ничего не желалъ, кро-

мѣ только себѣ вредить, до того упалъ, что въ руки враговъ своихъ далъ пропиту себя оружіе: то чѣмъ онъ разрушилъ Республику, тѣмъ же предлежитъ себѣ возстановить оную. Прежде всего верховную власть въ подахъ, расходахъ, судилищахъ, вручилъ немногимъ Сенаторамъ; народъ Римскій, у коего прежде была власть верховная такими узаконеніями въ рабствѣ оставилъ. Хотя судилища по прежнему прѣмъ классами ограничены: однако тѣже самые мятежники управляющъ, дающъ, отнимающъ что угодно; невинныхъ обходя своихъ на честь возводящъ. Ни злодѣянія, ни безславіе, ни позоръ не прѣпятствуютъ, лишь бы только власти доспигнуть: гдѣ только есть прибыль грабятъ и похищаютъ: наконецъ, какъ будто въ побѣжденномъ городѣ, распутство и своеволие вмѣсто закона употребляютъ. Меньшая бы горестъ постигла душу мою, если бы они мужествомъ приобрѣтенную побѣду, по обычаю своему, рабствомъ удовлетворяли. Но бывъ самые недѣятельные люди, коихъ вся сила и мужество на языкѣ только существуютъ, даже власть, полученную ими, по небреженію другаго, неистово употребляютъ. Ибо какое когда возмущеніе и раздоръ гражданской до корня изстребилъ столько и столько знатныхъ фамилій? или когда и чей либо духъ при побѣдѣ столько коловратенъ и неумѣренъ былъ?

IV. Л. Силла, коему послѣ побѣды все по праву войны позволялось, хотя мнилъ спорону свою подкрѣпить казню враговъ: однако

по умерщвленіи нѣкоторыхъ, прочихъ благо-
дѣяніемъ паче, нежели страхомъ возжелалъ
удержать при себѣ. Но нынѣ отъ бунтующихъ съ Капономъ, Люціемъ Домиціемъ и
другими ихъ единомышленниками сорокъ Се-
напоровъ, сверхъ того многіе съ хорошею
надеждою юноши, подобно скотамъ, закланы.
Между тѣмъ, какъ безпокойнѣйшая часть лю-
дей кровію сполькихъ несчастныхъ гражданъ
не могла насыпиться: ни сиротство дѣшей,
ни преклонной вѣкъ родителей, ни спенанія
мужей, ни вопль женъ не могли укротить
безчеловѣчной души ихъ, и они со дня на день
словомъ и дѣломъ поступая жесточе иныхъ
достоинства, другихъ сообщества, лишитъ
спарались. Но что я изреку о тебѣ, для без-
славія коего презрѣннѣйшіе люди жизни своей
не пощадили бы? то, что для нихъ не столько
удовольствія самое ихъ господствованіе при-
носитъ, сколько швое достоинство причи-
няетъ досады. Они преимущественно жела-
ютъ приобрести себѣ свободу изъ швоего не-
щастія, нежели что бы ты великую власть
Римскаго народа еще болѣе увеличилъ. А по-
тому тебѣ предлежитъ вяще и вяще преду-
смащивать, какимъ образомъ дѣла устано-
вить и утвердить. Я не спрашусь изректи
предъ тобою все, что только мнѣ о семъ
предметѣ извѣстно, но швоего благоразумія
будетъ дѣло избрать то, что самою вещью
справедливымъ и полезнымъ признаешь.

V. Я полагаю, что общество должно быть
раздѣлено на двѣ части, какъ то было у пред-

зовъ нашихъ, на старѣйшинъ и народъ. Въ прежнія времена верховная власть была у старѣйшинъ, но гораздо большая сила у народа. Такимъ образомъ часно въ обществѣ случались споры и всегда сила дворянства уменьшалась, а право народа возрастало. Народъ дѣйствовалъ поному свободно, что не было никакой власти выше законовъ; и дворянинъ не богатствами, не спесью, но доброю славою и мужественными поступками предварялъ неблагого: самаго низкаго званія кто либо въ военной или гражданской службѣ, оправданной во всемъ честности, хорошій былъ и самъ по себѣ и для опечества гражданъ. Но когда они мало по малу были изгнаны въ поля, бездѣйствіе и бѣдность овладѣли ими, начали желать чуждаго имущества, и свободу свою продавать вмѣстѣ съ Республикою. Такимъ образомъ нечувствительно народъ, который былъ владыкою и повелѣвалъ всѣмъ народамъ, упалъ: и вмѣсто всеобщей власти произвелъ для себя частное рабство. Хотя таковая чернь вопервыхъ злыми нравами напоенная, попомъ на разные роды жизни и ремесла раздѣленная, ни въ чемъ между собою несходствующая, кажется мнѣ мало способнымъ орудіемъ для образованія Республики; однако прибавивши новыхъ гражданъ я имѣю великую надежду на возможность, что всѣ они пробудятся для свободы; какъ тѣ будущъ имѣтъ попеченіе, чтобы удержатъ свободу, такъ и сіи, чтобы вышши изъ рабства. Сихъ по, мню я новыхъ гражданъ смѣшавъ съ прежними, ты долженъ

поселить въ колоніяхъ: такимъ образомъ не будешь недоспѣнка въ дѣлѣ военномъ, и народъ часпными упражненіями заняшый переспанетъ дѣлать зло публичное.

VI. Я знаю и предвижу какое, при совершеніи сего волнованіе, какія безпокойства ошъ Дворянъ произойти должны, когда они вознегодуюшъ, что все до основанія смѣшано, что древнимъ гражданамъ налагается рабство, и что наконецъ тамъ, гдѣ могущеспвомъ одного многочисленная чернь въ число гражданъ принимается, свободное онаго правленіе должно превратиться въ единовластіе. Однакожъ я такъ въ душѣ моей чувспвую, что шотъ самъ себѣ злодѣй, кто со вредомъ Республики себѣ выгоду приобрѣсти спарается, тамъ, гдѣ благо общеспвенное раждаетъ изъ себя и частное благо; достигнушъ сего однѣ лишь безразсудство и лѣноспѣ посумняшся. Маркъ Ливій Друзъ всегда имѣлъ намѣреніе, что бы Дворянство въ судилищахъ имѣло великую силу: и никогда прежде ничего не начиналъ еспѣли не Дворяне были шого содѣтели. Но безпокойные люди, кои злоспѣ и коварспво предпочипаюшъ честности, когда увидѣли, что одинъ человекъ многимъ смертнымъ великое благодѣяніе дѣлаетъ возымѣли о Маркѣ Ливіи Друзѣ мнѣніе равное, какъ и о себѣ, шо еспѣ подумали, что и ошъ подобно имъ имѣетъ злую и клятвопреспупную душу. И шакъ спрашась, чтобы чрезъ шоликое благодѣяніе одинъ не восхипилъ власпи, возспавъ прошивъ него, собспвенныя и его намѣренія смѣшали. Коль съ большею оспорожностію и

лучшей вѣрности должны быть избраны побою, Императоръ, друзья, и приготовлены средства надежнѣйшія.

VII. Не спрудно мужественному человѣку попрашъ врага явнаго: но добродѣтельный ни шайно разставлятъ сѣтей на пагубу другихъ, ни избѣгають ихъ не можеть. И такъ естли ты оныхъ приведешъ въ общество, поелику въ томъ числѣ и чернь заключається будеть, къ тому наипаче долженъ спремиться духъ швой, чпобы всегда были добрые нравы, возникло согласіе между древними и новыми. Но и того вящее приготоишь благо опечесству, граждамамъ, себѣ, попомкамъ, наконецъ всему чловѣческому роду, естли испребияшь жадность къ деньгамъ, или уменьшишь оную по обстоятельспвамъ. Безъ сего ничаспныя, ни публичныя дѣла, ни миръ, ни война надлежащаго порядка имѣть небудушь; ибо шамъ гдѣ жадность къ богатспву овладѣла смерпными; ни науки, ни изящныя художеспва, никакой либо шворческой духъ чпо либо возможеть. Но раньше или позже помуже подвергнется. Часпо я слышалъ, сколько Царей, сколько обществъ и народовъ, кои потерпели чрезъ богатспво свое могущеспво, и сколько бѣдные мужеспвомъ приобрѣли онаго. И сіе неудивительно. Ибо когда добродѣтельный видишь развратнаго чловѣка, сдѣлавшагося болѣе извѣспнымъ и естми уважаемымъ чрезъ свое богатспво, сперва негодуешь и въ мысляхъ своихъ беспокоишься: но когда со дня на день слава болѣе и болѣе предпочипается честности, богатспво превозмогаеть надъ муже-

ствомъ, тогда духъ опъ честности къ роскоши уклоняется и слава находитъ пищу въ проискахъ; безъ сего добродѣтель сама по себѣ горька и груба покажется. Наконецъ тамъ гдѣ богатства преимуществуютъ, всѣ блага за ничто вѣняются, вѣрность, честность, стыдъ, благоприспособность. Ибо дикой и прудной путь ведетъ къ добродѣтели: для собиранія денегъ, всякой какую кому угодно дорогу избираетъ; онѣ приобретаются и честными и постыдными средствами. Слѣдовательно прежде всего уничтожь власныя деньги, тогда никто о жизни и чести, соразмѣрно богатству, судить не будетъ: ежели ни Преторъ, ни Консулъ, не по богатству, а по истинному достоинству избираемъ будетъ. Но о правилельствѣ народъ легко судитъ; избираетъ Судей изъ немногаго числа справедливо; по деньгамъ безчестно. Почему потребно, что бы всѣ первые классы въ судопроизводствѣ участвовали, и въ большемъ числѣ, нежели нынѣ; (Родійцы и другія общества никогда не жаловались на свои судилища, въ которыхъ безъ разбору богатыи и бѣдные и всякой, на кого шолько палъ жребій, равно о самыхъ важныхъ, какъ и малѣйшихъ вещахъ разсуждаетъ. Но о выборѣ правилелей нѣсколько не нравился мнѣ законъ, изданный К. Тракхомъ въ бытность его Трибуномъ, что бы смѣшавъ всѣ пять классовъ, по жребію сотни были назначаемы). Такимъ образомъ бывъ сравнены достоинствомъ, деньгами, мужествомъ одинъ другаго предупреждать спараться будетъ.

VIII. Ниже великія средства противу богашствъ я поспановляю; ибо всѣ вещи равно похвальны и желательны, смотря по ихъ употребленію. Лукавство наградами питаеѣся. Опныяв оныя нѣко произвольно вѣроломнымъ не будетъ. Впрочемъ *корыстолюбіе* какъ люшой и неукропимой звѣрь, не должно быть перпимо; куда оно ни проспреть свои желанія, вездѣ грады, поля, храмы и дома опустошаеѣтъ: Божеское съ человѣческимъ смѣшиваеѣтъ: ни войски, ни огражденія силы его удержашъ не могутъ: оно всѣхъ смерпныхъ лишаеѣтъ славы, честности, дѣшей, опечесства и родителей. Но шаквая великая сила корыстолюбія, по опныати прелеспи денегъ, удобно добрыми нравами препобѣдѣися. И что сіе подлинно шакъ бытъ можеѣтъ, всѣ добродѣшельные и злонравные сознають. Но едѣа меньшая предлежиѣтъ шебъ борьба съ заговорами Дворянъ; и ежели коварства ихъ избѣжиѣтъ, то все прочее удобнѣе будетъ. Ибо они еѣсли бы болѣе имѣли добродѣтелей, гораздо бы больше ревновали о благѣ, нежели оному завистпвовали. Ими овладѣла безпечность, лѣность, нечувствительность и бездѣйствіе, опъ чего они шумяѣтъ, поносяѣтъ, и добрую славу другихъ себѣ въ позоръ вмѣняють.

IX. Но къ чему я о многомъ, какъ о неизвѣстномъ припоминаю? Мужесство ли и крѣпость духа возвели М. Бибула на Консульство? нѣѣа языкъ невразумительный, умъ болѣе коварный, нежели оспрый на что дерзаеѣтъ шопъ, кому Консульское достоинство, власѣ высочайшая, была величайшимъ безчестіемъ?

Часть II.

уже ли Люцій Домицій имѣетъ великую силу? шопъ у котораго нѣтъ ни одного члена подлымъ дѣломъ или злодѣніемъ неоскверненнаго? языкъ лживой, руки хищныя, ноги бѣгсшвомъ извѣсныя; даже и то, что честнымъ назваться не можешь, безчестнѣйшее. Одного лишь М. Капона за умъ оборотливый, говорливой, хитрой презрѣшь едва можно. Качества сіи внушаются насипавленіями Грековъ, но сами они ни мужества, ни бодрости, ни подвиговъ никакихъ не имѣютъ. Ибо когда они свободу свою по лѣности потеряли; то можно ли мыслить, чтобы правилами своими могли научить управлять Имперією? Прочіе изъ недовольныхъ суть лѣнливѣйшіе Дворяне, у коихъ, подобно какъ у спашуй, кромѣ имени, никакого нѣтъ приложенія. А Постумій и М. Фавоній, по моему мнѣнію, уподобляются излишнему бремени корабля. Гдѣ нѣтъ никакой опасности, тамъ они употреблены быть могутъ: но гдѣ какая либо трудность встрѣпится, тамъ найпаче объ нихъ имѣтъ попеченіе надобно, ибо сами по себѣ ничего не значатъ.

Х. До сихъ поръ разсуждалъ я о преобразованіи и исправленіи народа: теперь буду говорить о томъ, что тебѣ съ Сенатомъ предложитъ дѣлать. Достижни возраста въ лѣтахъ и разумъ, мало упражнялъ я тѣло мое во владѣніи оружіемъ и верховой ѣздѣ, но разумъ питалъ науками: Что природа имѣетъ прочнѣйшаго, на то посвящалъ я труды мои. Тогда то многое читая и слыша открылъ я, что всѣ области, грады, народы, дополъ ща-

спливо управляются, доколь справедливыя совѣщанія у нихъ преимуществуютъ; а гдѣ зорысть, спрахъ, роскошь расплѣвають оныя, тамъ скоро по уменьшеніи богатствъ, оплещается власть, и наконецъ рабство возникаетъ. По сему я такъ въ душѣ моей полагаю, что тому въ обществѣ, кпо важнѣе и знатнѣе другихъ мѣсто занимаетъ, великое ищаніе прилагать должно о Республикѣ. Ибо другіе, при безопасности града, только о цѣлости своей свободы заботятся; кпо мужествомъ приобрѣлъ себѣ богатства, знатность, почести, шого духъ, при малой наклонности Республики къ возмущенію, многообразными заботами и прудами удручается, силясь защитить или славу, или свободу, или дѣла частныя. Ему пошребно вездѣ быть, во всемъ поспѣшать: и чемъ больше во время благосостоянія процвѣталь, тѣмъ больше и вяще въ превратности онаго безпокойствомъ терзается. И такъ гдѣ народъ Сенату, подобно какъ тѣло душѣ, повинуется и пошпановленія онаго исполняетъ, тамъ прилично, чтобы совѣщанія Сенаторовъ преимуществовали, народная же распоропность излишна. Такимъ образомъ предки наши, будучи угнѣтаемы жесточайшими войнами, и поштерывъ конницу, солдатъ, казну, никогда не преспавали вооруженію рукою защищать Имперію. Ни скудость казнохранилища, ни сила враговъ, ни нещасія, великаго духа ихъ не покоряли, такъ что, приобрѣщенное мужествомъ вмѣстѣ съ жизнію сберегали. Всѣ сіе совершенно ими болѣе посредствомъ прочныхъ совѣщаній,

нежели сколько удачными битвами. Сверхъ того у нихъ была въ виду одна Республика, о ея полько благѣ они пеклися; ежели иногда были и мяшежны, то единственно пропиту непріятелей: каждой тѣлесными и душевными способностями жерпвовалъ опечеству, а не для своей силы. Но и въ сіе время, вопреки толикихъ подвиговъ возспавали Дворяне, коихъ духъ напоенъ былъ несогласіемъ ильностію, незнающіе шрудовъ, непріятелей, службы, въ домахъ только къ заговору приобыкшіе, по гордостии всѣми народами управляющіе.

XI. Такимъ образомъ, Сенаторы, на совѣщаніяхъ копорыхъ прежде Республика въ сумнипельныхъ случаяхъ ушверждалась, будучи угнѣтаемы, мяпущся и по приходамъ посшороннимъ то въ шу, то въ другую спорону склоняющся: между тѣмъ, въ одно время то, послѣ иное опредѣляющіе, смопря на голось тѣхъ, коихъ вражда и гордостъ владычествующъ: такимъ то образомъ они судили о благѣ и вредѣ общеспвенномъ. Но еспѣли бы или всѣ равною свободою пользовались, или приговоръ несполь былъ явень; то Республика имѣла бы больше могущества, и сила Дворянства уменьшилась бы. Но уравнишь выгоды всѣхъ шрудно: ибо когда слава, достоинство и покровипельство, основанныя на мужествѣ предковъ, предоставляяся однимъ, то другая часть народа, отъ сего усшранена будетъ; чрезъ сіе приговоры Сенапа сдѣлаются безопаснѣе и каждая сторона могущество другой болѣе уважашъ спанешъ. Свобода пріа-

шна добрымъ и злымъ, и дѣтельнымъ и нерадивымъ. Подлинно, многіе по боязни пошеряли оную: безразсуднѣйшіе изъ смертныхъ, по одной лѣности, какъ побѣжденные, приѣмлюшъ рабство, не дожидаясь конца побѣды. И такъ мною двумя способами Сенатъ усиленъ: прибавкою числа Сенаторовъ и объявленіемъ голоса на табличкахъ. Табличка буденъ закрипѣемъ, кто съ большею духа свободою дѣйствовать осмѣлился: въ простомъ народѣ и защиты больше, и знакомство обширнѣе; ибо въ сіи смутныя времена, почти всѣ, бывъ запущаны, или судилищами публичными, или въ собственнѣхъ дѣлахъ и друзей своихъ, едва здраво совѣщавали о выгодахъ Республики. И не столько попеченіе объ ней, сколько гордое властолюбіе занимало ихъ. Дворяне, съ небольшимъ числомъ Сенаторовъ, принадлежавшихъ къ заговору ихъ, что угодно одобряли, порицали, рѣшили, однимъ словомъ, все по своей волѣ дѣлали. По истиннѣ, когда по умноженіи числа Сенаторовъ, голоса объявляемы будуще на дощечкахъ, они умѣряшъ спесь свою, видя, что должно будетъ повиноваться тѣмъ, надъ коими прежде жестокое владычествовали.

ХІІ. Быть можеть, Императоръ, что ты прочитавъ сіи письма, пожелаешь знать, какому числу Сенаторовъ быть должно, какъ раздѣлишь Сенатъ по многимъ и различнымъ его обязанностямъ; ибо допустивши къ мѣстамъ Сенаторскимъ высшій классъ народа, нужно опредѣлишь порядокъ и число Сенаторовъ въ каждомъ родѣ дѣлъ. Описать это

вообще для меня было бы не трудно: но должно повидимому, прежде опредѣлительно сказать о главномъ намѣреніи, и доказать, что оно справедливо. Естли для достиженія онаго сію спезю употребишь позволишь, прочее не будешь затруднительно. Я хочу, чтобы самой опытъ оправдалъ и благоразуміе и великость моего намѣренія. Ибо тогда опъ всякаго удачно тобою совершеннаго предпріятія мнѣ будешь въ награду добрая слава. Но меня особенно занимаетъ сильное желаніе, дабы прежде всего, какимъ бы ни было образомъ, поддерживать Республику. Свобода для меня дороже славы, и пошому я прошу, умоляю тебя, Свѣплѣйшій Императоръ, да покоривши народъ Галлскій, не попустишь великой и непобѣдимой Имперіи народа Римскаго чакнуть отъ древности, и разрушаться отъ величайшаго несогласія. Подлинно, естли сіе случится, ты не будешь имѣть покою ни днемъ ни ночью: но перзаемый угрызениями совѣсти, разъяренный и подобно лишенному ума неистовствовать будешь. Ибо то извѣстно, что Боги завидуютъ жизни смертныхъ: ни добрый, ни злой поступокъ каждаго въ ничто невмѣняется: но по сущности ихъ, добрыя или злыя слѣдуютъ за ними воздаянія. Однѣ раньше, другія позже: каждой по духу своему и по совѣсти надежду имѣешь.

XIII. Наконецъ естли бы отечество и предки твои могли собесѣдовать съ тобою, они рекли бы тебѣ такъ: „о Кесарь! мы храбрыѣйшіе мужи родили тебя, въ прекрасномъ городѣ, бывшемъ красотою и защишою для

насъ, ужасомъ врагамъ. Все то, что многи-
ми прудами и опасностями приобрѣли мы,
тебѣ при самомъ рожденіи съ жизнію вмѣ-
стѣ вручили, величайшее на землѣ опечест-
во, домъ, знаменитѣйшую породу; сверхъ то-
го изящныя искусства, честно снисканныя
богачества; наконецъ почести въ мирѣ, и на-
грады военныя. За таковыя величайшія благо-
дѣянія мы испрашиваемъ у тебя не позора,
не худого дѣянія; но да возставишь низло-
женную свободу. За таковой подвигъ несум-
нѣнно слава о твоёмъ мужествѣ промчится
у всѣхъ народовъ. Ибо въ сіи смутныя вре-
мена, хотя ты въ мирѣ и на войнѣ совер-
шилъ дѣла славныя; однако многіе храбрые
мужи въ славѣ съ тобою сравнятся мо-
гутъ. Но еслии градъ, именемъ славнѣйшій
и величайшую Имперію, близъ паденія сво-
его находящуюся возставишь; тогда никто
тебя знаменитѣ, никто больше на землѣ
не обратится. Но ежели же или опъ изнемо-
женія, или рокомъ паденіе Имперіи случи-
тся; кто усумнится, чтобы опъ того на зем-
номъ шарѣ опустошеніе, войны и убій-
ства не возродились? И такъ, еслии ты
возымѣешь доброе желаніе быть благодар-
нымъ Опечеству и Предкамъ; то возстанов-
леніемъ Республики приобрѣвъ славу паче
всѣхъ смертныхъ, въ грядущія времена
смерть твоя будетъ знаменитѣе жизни.
Ибо живыхъ иногда фортуна, зависть же
часто изнуряетъ: но по кончинѣ, поношенія
опъемяются, и одна добродѣтель вѣще воз-
носятся.“

Изложивъ сколько можно лучше все, что только казалось мнѣ полезнымъ въ исполненіи, и что могло послужить для твоего употребленія, умоляю безсмертныхъ Боговъ, да сіе, какимъ бы образомъ ты ни дѣйствовалъ, Тебѣ и Республикѣ благополучіемъ послужитъ!

Съ Лат. Д. Борзенковъ.

П И С Ь М О IIe. (обыкновенно
первымъ почитаемое).

I. Справедливымъ прежде почиталось мнѣ-
ніе, что fortuna раздаетъ Царства, власпи-
тельства, такъ же и другія вещи, за кото-
рыми люди съ жадностію спремются: ибо
какъ то, такъ и другое часто было даро-
вано, какъ бы по прихоти, людямъ недостой-
нымъ. Ни одинъ однакожъ изъ шаковыхъ да-
ровъ постояннымъ не оставался. Но самой
опытѣ показалъ справедливостъ того, что
Аппій изобразилъ въ стихахъ своихъ, то есть,
что „всякъ своего щастія творецъ,, и на
тебѣ, Великій Мужъ, которой столько превзо-
шелъ другихъ, что люди слава подвиги свои
прежде испощаѣ силы, нежели ты, хвалы
достойное содѣлывая. Впрочемъ какъ хитро-
стію, такъ и мужествомъ снисканное шре-
буешь величайшаго попеченія; дабы опъ не-
бреженія необобразилось, или не разруши-
лось опъ слабости: Ибо никто по волѣ не
уступаетъ власпи другому: и хотя имѣющій
большую власпъ будешь добръ и милосивъ,
однако допуская зло, можешь опасности под-
вергнуться. Сіе случается, поелику многіе
власпители совсемъ напротивъ думаютъ, и
тѣмъ больше щитаютъ себя въ безопасно-
сти, чѣмъ тѣ, къмъ они повелѣваютъ, суть
злонравнѣ. А напротивъ, при собственной

доброшѣ и мужествомъ, всѣми силами спараться о томъ должно, что бы повелѣвать самыми лучшими гражданами. Ибо всякой развратной съ негодованіемъ видишь надъ собою правителя. Но для Тебя сіе паче всѣхъ прежде бывшихъ важнѣе, дабы привестъ въ спокойствіе все, оружіемъ приобретенное. Ты велъ войну умѣреннѣе, нежели другіе учреждали миръ; побѣдители обыкновенно ищутъ добычи; но твои побѣжденные — суть граждане. Тебѣ предлежитъ избѣжать сихъ трудностей; и въ послѣдствіи утвердишь Республику, не оружіемъ и не проливомъ враговъ только, но что гораздо болѣе и гораздо труднѣе, изящными искусствами, сими прекрасными плодами мира. Слѣдовательно для сего должно призвать въ помощь благоразуміе всякаго рода, и всякъ кто лучший способъ знаетъ, да предложитъ. Мнѣ же сіе такъ мнится, что ежели ны сдѣлаешь сносною побѣду, то и все прочее пойдешь хорошо.

II. Но какъ лучше и удобнѣе ты можешь учредитъ сіе, внемли вкратцѣ мое мнѣніе. Ты велъ войну, Императоръ, съ мужемъ знаменитымъ, богатѣйшимъ, алкавшимъ власти, болѣе щастливымъ, нежели мудрымъ: ему послѣдовали немногіе сдѣлавшіеся Тебѣ неприятелями по своимъ видамъ; Такъ же нѣ, коихъ родство или иная необходимость влекла къ тому. Ибо небыло ни одного, кто бы участвовалъ въ правленіи; и еслибы онъ могъ снести сіе, вселенная не была бы потрясена бранію: прочая толпа, больше по обычаю черни, нежели по разуму, и одинъ за другимъ,

какъ бы за благоразумнѣйшимъ, послѣдовали. Въ то время, люди, по злонамѣреннымъ внушеніямъ коварныхъ, обольщенные надеждою возобладать Республикою, люди, кои развращеніемъ и роскошію совершенно осквернены были, спешили въ спанъ швой; и явно мирнымъ жителямъ смертію, хищеніемъ, на послѣдокъ всемъ, что только развращенной духъ внушала имъ, угрожали: изъ сихъ большая часть, узрѣвъ, что ни чаемаго получить не могутъ, ни что Ты съ гражданами не поступаешь какъ съ неприятелями, удалилась: немногіе остались; и тѣ только, кои болѣе свободы въ спанѣ, нежели въ Римѣ, имѣть могли. Столько-то привлекала ихъ къ тебѣ надежда. Но по тѣмъ же самымъ причинамъ, ужасно сказать, какіе и сколь многіе послѣ перешли къ Помпею: и чрезъ все продолженіе войны къ нему, какъ бы къ нѣкому священному и неприкосновенному храму, имѣли прибѣжище.

III. И такъ, поелику ты долженъ дѣйствовать какъ побѣдитель на войнѣ и въ мирѣ, то въ первой поступи сколько можно челоуколюбивѣе, а въ послѣднемъ такъ, что бы оный былъ сколько можно справедливѣе и продолжительнѣе: начиная устроить сіе, помысли прежде о самомъ себѣ, какъ должно поступить наилучше. Впрочемъ я мню, что всѣ правительспва жестокія, больше трудны суть, нежели продолжительны; и нѣтъ никого столько страшнаго другимъ, которому бы такъ же многіе не наносили страха; такая жизнь есть вѣчная война, обоюдному жребію подверженная; ибо ни съ кою стороны безопа-

сну бытъ не можно, но всега опасностію на-
спрахомъ колебаться должно. Напрошивъ шѣ,
копторые власть свою благосклонностію и ме-
лостію сопровождающъ, повсюду веселіе и че-
стосердечіе воспрѣчающъ; Для таковыхъ са-
мые неприятели справедливе бывающъ, не-
жели для другихъ сограждане. Не ужели най-
дущся такіе, кои почтущъ меня за слова сѣ-
хулишелемъ швоея побѣды, или скажущъ, что
я слишкомъ благосклоненъ къ побѣжденнымъ?
то есть, что мы и часпо предки наши да-
ровали чуждымъ народамъ, опъ природы намъ
непріязненнымъ, то мною даровать должно
гражданамъ; а не варварски за убійство убій-
ствомъ, и кровію за кровь мспишь.

IV. Или то, за что недавно предъ сею
войною кричали на Помпея и побѣду Силлину,
предано уже забвенію? Домицій, Карбонъ,
Брутъ, такъ же и другіе невооруженные, не
на сраженіи по праву войны, но послѣ на ко-
лѣнахъ покорности свою изъясляющіе, умерщ-
влены съ величайшимъ злодѣйствомъ: и на-
родъ Римскій въ публичныхъ мѣстахъ, на подо-
біе скопа, былъ закалаемъ. Увы сколько сдѣ-
лано оныхъ шайныхъ погребеній, и неожидан-
ныхъ убійствъ гражданъ въ нѣдрахъ родите-
лей или дѣтей, какое бѣгство женъ и опро-
ковъ, разрабленіе домовъ! Прежде одержанной
побою побѣды, всё лютое и безчеловѣчное со-
вершалось. Но къ чему и тебя шѣже самые
склоняющъ? къ тому дабы подумали, что всѣ
обиды по произволению каждаго изъ васъ со-
вершались, и что ты не получилъ въ управ-
леніе Республику, но завладѣлъ оною и по-

тому войско, издержавши свое жалованье, обратило оружіе противу знавшихъ и древнѣйшихъ гражданъ, противу братьевъ и родственниковъ, даже нѣкоторые противу дѣтей своихъ; Дабы въ несчастіяхъ другихъ презрѣннѣйшіе изъ смертныхъ найти могли ненасытному сластолюбію своему пищу, и имѣть побѣду обратитъ въ поношеніе; позоръ таковыхъ помрачаетъ славу добрыхъ. Недумаю такъ же, чѣшбы ты упустилъ изъ виду, какимъ образомъ или съ какою умѣренностію каждой, когда еще сумнительна была побѣда, вѣль себя; и какъ нѣкоторые въ продолженіе самой войны студодѣйственные пиршества заводили; и это были такіе, коихъ возрасшъ ни въ свободное даже время, подобнаго сластолюбія безъ сраму допустить не могъ. Но о войнѣ довольно сказано.

V. При установленіи мира, о чемъ ты и сотрудники твои помышляете: разсмапривай, прошу, въпервыхъ, каковъ пошъ предметъ, о которомъ совѣщаешь: такимъ образомъ устранивши худое ошъ добраго, открытымъ путемъ шествуй къ истиннѣ. Мое мнѣніе такое: поелику всё родившееся погибаетъ, по равной участи подвергнешся и городъ Римъ, когда междоусобная брань возникнетъ; и такимъ образомъ граждане обезсиленные и изможденные сдѣлаются добычею какого нибудь царя или народа; а безъ сего ни вселенная, ни всѣ народы, собранные вмѣстѣ не могутъ поколебать сей Имперіи. И такъ должно водворить блага мира и изгнать зло несогласія. Сіе тогда воспослѣдуешь, когда опнинешся

свобода и разходовъ, и неправедныхъ спяжаній: не должно для сего прибѣгать къ возобновленію древнихъ успавовъ, копорые, опъ порчи нравовъ, давно посмѣшищемъ служатъ; но каждому, по его состоянію, предѣлъ расходовъ назначить: ибо нынѣ вошло въ обыкновеніе, что молодые люди, проживающъ свое и чужое сласполобиво за ничто вмѣняяющъ, а опказывающъ пребованіямъ другихъ чшущъ за удовольствіе. Такую добродѣтель и великость души, равно спыдъ и умѣренность безразсудствомъ починающъ. Слѣдовательно неукротимый духъ, направляемый и пакъ путемъ развращеннымъ, шамъ гдѣ обыкновеннаго недоспапочно, будучи возбуждаемъ жадностію по на ближнихъ, по на гражданъ нападаетъ: нарушаетъ учрежденный порядокъ, и на щемъ древняго новаго ищетъ. Почему, чтобы каждой изъ насъ своимъ занимался, ростовщики да испребляющъ впредъ. Сей естъ прямой и простой путь, народу, а не заимодавцамъ, доставивъ управление; и великость души, не опиятіемъ народныхъ выгодъ явивъ, а умноженіемъ.

VI. Я предвижу, сколь жестокимъ сіе покажется вначалѣ, особенно для пѣхъ, кои послѣ побѣды мнили получить больше позволенія и свободы, нежели ограниченія. Но если ты на ихъ благосостояніе паче, нежели на прихоти обратишь попеченіе, по ихъ и насъ, при постоянномъ мирѣ, содѣлаешь друзьями. Но если пѣже приспирасія и развращъ юношества продолжася; по истиннѣ оная презыщная швоя слава скоро вмѣстѣ съ Римомъ

прейдесть Наконецъ мудрые ведутъ войну для мира, и переносятъ пруды въ надеждѣ имѣть покой. Если и ты онагоне водворишь поспоянно; что пользы побѣждашь илибыть побѣжденну? И такъ, по благосили Боговъ, прійми Республику и испреби, какъ тебѣ обычно естъ всѣ бѣдствія. Ибо или одинъ ты пособишь сему возможешь, или попеченіе о томъ должно всѣмъ оставить. Никто не склоняетъ тебя къ безмѣрнымъ казнямъ или жестокимъ приговорамъ, коими опустошается общество; но прекрати лишъ обманы разграба и пагубныя жалація въ юношестве. Тогда ты съ истинною милостію поступишь, когда граждане небудутъ изгоняемы изъ отечества безвинно; когда пресѣчешь пороки и ложныя увеселенія; когда миръ и согласіе утвердишь; напротивъ сего прощая разграбы, снисходя пресупленіямъ, съ насмѣящею радостію допустишь имѣющее скоро послѣдовать бѣдствіе.

VII. Весьма я надѣюсь на тебя въ тѣхъ случаяхъ, въ коихъ другіе великости предпріятія боятся, и что тебѣ предлежитъ землю и моря привести въ спокойствіе; полъ великой умъ малыми вещьми не занимается, и великіе пруды сопровождаются такою же наградою. И такъ устрой, что бы чернь, изпорченная щедрыми подаваніями и общественнымъ пропитаніемъ, имѣла собственныя занятія, которыя бы воспящали ей причинять зло обществу, что бы юношество о непорочности нравовъ и прилѣжаніи, а не о расходахъ и богатствѣ имѣло раченіе. Въ семъ

преуспѣешь, если употребленіе и превлекательность денегъ, какъ великую для всѣхъ пагубу пресѣчешь. Часто размышляя самъ съ собою о томъ, какими средствами знаменитые мужи приобрѣтали величіе, чѣмъ великіе основатели умножали народы и поколѣнія — наконецъ опъ какихъ причинъ обширнѣйшія Царства и Имперіи упали: всегда находилъ тѣ же блага и зла; что побѣдители презирали богатства, а побѣжденные оныхъ желали, и что никто смертный иначе возвыситься и достигнуть божественнаго не можетъ, какъ презирая удовольствія тѣлесныя и богатства, и упражняя духъ; не поблажая, ниже прихотливыхъ желаній выполняя, превратною милостию благопріятствовашъ; но трудами, перпніемъ, добрыми правилами и мужественными подвигами занимающъ должно.

VIII. Ибо устройая домъ или помѣстье, и стараясь украситъ оныя гербами, балдахинами и другими искусственными работами, не для того всё это производитъ должно, что бы только однажды на нихъ взглянуть; шавъ же и при устройеніи Республики, не въ чести богатства имѣть, но самому для нихъ бичемъ быть должно. Далѣе — которые привыкли дважды въ день наполнять бркъ, ни одной ночи не проводятъ безъ сладострасія и гдѣ духу быть владыкою должно, рабствомъ опячашъ его; шакowe ослабивъ и исказивъ его никакъ послѣ не пожелающъ быть употреблены въ дѣло; ибо и себя и другихъ ввергли бы въ погибель. Сіе и всѣ зла вмѣстѣ съ чествованіемъ денегъ дѣйствительно пресланутъ.

когда ни въ правительствѣ, ни въ народѣ ничего продажнаго не будетъ. Къ сему должно прибавить попеченіе, какимъ образомъ Италію и Провинціи въ большую привести безопасность. Исполненіе сего очевидно. Ибо одни и шѣже все разоряютъ, свои дома оснавая, и чужіе насильно занимая. Да небудетъ шакъ же, какъ то доселѣ было, несправедливостъ или неравенство въ милиціи; ибо случалось, что иные придаютъ разъ несуть службу тогда, какъ другіе никакой. Такъ же шотъ провіантъ, коимъ прежде былъ наградою праздности, приличіе отпуская по муниципіямъ и колоніямъ, шѣмъ давая, въ бытность коихъ на службѣ дома пришли въ разореніе. Я изложилъ кратко все то, что щипалъ для Республики полезнымъ и для тебя славнымъ. Неизлишне кажется будетъ нѣчто сказать о моемъ поступкѣ. Многіе изъ смертныхъ имѣютъ способностъ къ разсужденію, но то скрываютъ; и подлинно у всѣхъ и каждого сильное есть желаніе охуждать поступки и слова чуждыя; но едва отверзаются чѣи либо уста, или употребляется языкъ для того, что бы сказать откровенно, что мыслятъ. Поступивши вопреки сему, я меньше сожалѣнія заслуживаю, нежели бы заслужилъ спыда умолчавши. Ибо симъ ли, или другимъ лучшимъ путемъ Ты будешь слѣдовать; я однакожъ сколько возможно сказалъ и къ шому способствовалъ. На послѣдокъ остается желать, что бы все то, что тебѣ ни угодно, безсмертные Боги одобрили, и благополучно совершить благоволити.

Съ Лат. Дмитрій Борзенковъ.

Часть II.